

После этого вопроса Мэн Хуаня Сун Чжи на мгновение оцепенел. Он и представить не мог, что столь простое проявление вежливости обрстет в чужом уме такими извилистыми домыслами. Легкость, с которой началось утро, бесследно исчезла.

— Господин Мэн, я не из тех, кто плетет интриги, — сдавленно произнес Сун Чжи. — Я поднес Ациле румяна лишь потому, что она заботилась обо мне, пока я был ранен. Здесь нет того умысла, который вы мне приписываете.

— Значит, ты всё еще таишь обиду за то, что я тебя ранил? — спросил Мэн Хуань.

Ему хватило пары слов, чтобы раздуть в душе Сун Чжи пламя гнева. Позабыв о былой осторожности, тот уже готов был сорваться на резкий ответ, но вовремя кольнувшая боль в не зажившей еще ране на голове заставила его остыть. Нельзя поддаваться чувствам.

— Нет, — коротко бросил Сун Чжи.

— Действительно нет? Или ты просто не смеешь признаться? — не отступал Мэн Хуань.

Терпение Сун Чжи лопнуло.

— Какая разница — не смею или нет? Я нахожусь в поместье Мэн, и моя участь зависит лишь от вашего слова. Зачем же вы раз за разом пытаете меня расспросами?

Закончив, Сун Чжи приготовился к новой вспышке ярости, но, к его изумлению, Мэн Хуань даже не поднял головы от письма. Напротив, он тихо усмехнулся, не прекращая выводить иероглифы.

— А я уж грешным делом подумал, что ты совсем разучился показывать зубы.

Сун Чжи задохнулся от возмущения:

— Где уж мне, ничтожному, гневаться на молодого господина!

Мэн Хуань вскинул на него взгляд и вдруг произнес:

— Два месяца назад, когда я встретил тебя на улице Аньчжэньмэнь... точнее, когда мы увиделись вновь, ты был точно таким же.

— Что?

— Я собирался уезжать вместе с Лянь Шэнем, как вдруг ты окликнул меня. Я обернулся и

увидел, как ты яростно сверкаешь глазами. В тот миг я подумал: интересно, каков же этот красавец, когда улыбается? — Мэн Хуань сделал паузу. — Но сейчас я понимаю: в гневе ты куда любопытнее.

Сун Чжи впервые в жизни столкнулся с подобным пренебрежением. Лицо его вспыхнуло от унижения, но прежде чем он успел подобрать слова для отповеди, Мэн Хуань резко вскинул руку и коснулся его лба.

— Струпья сошли, но рана всё не заживает. Портит весь вид.

— Руки прочь! — Сун Чжи дернул головой и яростно оттолкнул его ладонь.

Заметив, как потемнел взгляд офицера, он поспешно отступил на шаг и опустился на колени.

— Офицер Мэн, пусть я лишь простолюдин, лишенный власти и положения, но я всё же мужчина. Я долгие годы провел за книгами и смею называть себя ученым мужем. Вам не кажется, что вы заходите слишком далеко? Вы пригласили меня в дом под предлогом обучения ханьвэни. Но если ваши намерения иные... Прошу, отпустите меня. Я не ищу высокого покровительства и не смогу обучить ничему человека вашего склада.

Сун Чжи поднял глаза, глядя на него с отчаянием обреченного.

— Если же не желаете отпускать, то лучше убейте меня прямо здесь.

Договорив, он тяжело склонился в поклоне. Раздался глухой, болезненный стук лба о пол — такой звук заставил бы любого содрогнуться, но Сун Чжи, казалось, ничего не чувствовал. Он замер, прижавшись головой к холодным плитам.

Атмосфера в комнате мгновенно стала ледяной. Мэн Хуань долго молчал, не сводя глаз с распростертой фигуры. Он вовсе не собирался оскорблять Сун Чжи, но и объясняться, когда его неверно поняли, не привык. «Неужели стать моим — столь невыносимая участь?»

— Встань, — наконец проронил он.

— Убейте меня, офицер Мэн, — глухо отозвался Сун Чжи, не двигаясь с места.

Эти слова стали последней каплей. Мэн Хуань, не знавший отказов с самого детства, пришел в ярость.

— Встань! — прорычал он, едва сдерживая клокочущий гнев.

Сун Чжи не шелохнулся.

Мэн Хуань резко подался вперед, схватил его за ворот и одним рывком прижал к письменному столу. Бумага и кисти с сухим шорохом посыпались на пол. Тело Сун Чжи одеревенело, в расширенных от ужаса зрачках застыла дрожь.

Мэн Хуань медленно склонился к нему, почти касаясь губами уха.

— Ты и впрямь думаешь, что я не посмею? — прошептал он, и этот шепот был страшнее крика.

Сун Чжи вцепился в край стола так, что побелели костяшки пальцев.

— Хацзиэр! — внезапно раздался звонкий девичий голос за дверью.

Сун Чжи охватила паника. Он мертвой хваткой вцепился в запястье Мэн Хуаня, почти умоляя:

— Господин...

Если Чомань увидит его в таком положении, лучше сразу в петлю. Взгляд Мэн Хуаня смягчился, скользнув к пальцам Сун Чжи, сжимающим его руку. Ладонь была ледяной, влажной от пота и заметно дрожала.

— Хацзиэр! — снова крикнула Чомань.

Её шаги уже слышались у самого порога. Цино, на правах верного слуги, пытался её урезонить — Чомань было позволено в поместье почти всё, кроме входа в святая святых, кабинет хозяина.

— Пусти меня! — настаивала она.

— Впусти её, — распорядился Мэн Хуань, обращаясь к Цино.

Дверь со скрипом распахнулась. Чомань, вбежав в комнату, застала совершенно будничную картину: Мэн Хуань сосредоточенно выводил иероглифы, а Сун Чжи стоял рядом, вполголоса давая наставления — где нажать сильнее, а где провести линию порезче.

Девушка захлопала ресницами. Похоже, учитель и впрямь знал свое дело. Заложив руки за спину, она вприпрыжку подошла к ним.

— Эй! — крикнула она прямо на ухо Мэн Хуаню.

Тот даже не вздрогнул. Повернувшись, он мягко улыбнулся:

— Что же ты так рано?

— Вчера кроликов настреляла! — похвасталась Чомань. — Велела принести к тебе, пускай приготовят!

Мэн Хуань усмехнулся:

— Подумаешь, кролики. У меня своих полно, стоило ли ради этого лично являться?

— Это те, которых я сама добыла! Как ты можешь их сравнивать с обычными? — обиженно протянула девушка.

Мэн Хуань ласково потрепал её по волосам.

— Передала на кухню? Распорядись, чтобы приготовили, как ты любишь.

— Давно велела! — просияла Чомань. — Сегодня обедаю у Хацзиэра!

Видя их непринужденную беседу, Сун Чжи поклонился:

— Господин, позвольте мне удалиться.

— Погоди! — Чомань опередила Мэн Хуаня.

Сун Чжи, не питавший симпатии к капризной богатой наследнице, спросил с подчеркнутым смирением:

— Что прикажете, молодая госпожа?

Чомань неопределенно хмыкнула и, взяв лист с иероглифами, которые только что писал Мэн Хуань, принялась их разглядывать. В грамоте она кое-что смыслила, но писать толком не умела.

— Хацзиэр, это ты написал?

Тот кивнул.

— Как красиво!

Мэн Хуань лишь скромно покачал головой. Чомань резко обернулась к Сун Чжи:

— Раз уж ты учишь Хацзиэра, так и меня бери в ученицы. С этого дня я тоже буду учиться писать по-ханьски!

Сун Чжи лишился дара речи.

— Хацзиэр, ты ведь не против? — Чомань лукаво взглянула на офицера. — Я тоже хочу писать так же красиво, как ты!

— Если есть желание — учись вместе со мной, — ответил Мэн Хуань.

Сун Чжи молчал, чувствуя, как внутри всё закипает. Чомань залилась счастливым смехом, который, казалось, был слышен даже на другом конце поместья.

«Монгольская девчонка... ни стыда, ни воспитания», — угрюмо подумал Сун Чжи.

— Ну что, Сун Цзилань, согласен учить Чомань? — спросил Мэн Хуань, хотя по его тону было ясно: иного ответа он не примет.

Сун Чжи, еще мгновение назад готовый принять смерть от рук офицера, быстро прикинул шансы. Уж лучше учить взбалмошную девицу, чем быть игрушкой в руках господина.

— Как прикажете, господин.

Чомань помнила, как в прошлый раз он отказался поднять её мяч, и недовольно фыркнула:

— То-то же!

Окинув взглядом кабинет, она распорядилась:

— Принеси мне стул. Буду сидеть рядом с Хацзиэром и писать вместе с ним.

Сун Чжи беспрекословно притащил стул и поставил его рядом с местом Мэн Хуаня.

— Прошу, госпожа.

Чомань плюхнулась на сиденье, выбрала кисть и, повертев её в руках, спросила:

— Хацзиэр, я правильно её держу?

Мэн Хуань поправил её пальцы:

— Вот так. У тебя рука привыкла к плети, кисть должна слушаться.

Чомань, польщенная похвалой, обернулась к учителю:

— Что писать? Как начинать?

— Обучение госпожи будет отличаться от уроков молодого господина, — начал Сун Чжи. — Я подберу подходящие прописи, а пока просто попробуем руку.

Он начал с основ: осанка, захват кисти... Но Чомань пришла вовсе не за знаниями. Едва он поправлял её, как она тут же кривилась и принимала самую немыслимую позу. Сун Чжи вздохнул, понимая, что строгостью здесь ничего не добьешься. Да и пришла она явно не ради иероглифов.

Он позволил ей писать как бог на душу положит, и вскоре на бумаге появились каракули, достойные лишь неразумного дитя. «Да на этом фоне даже почерк Мэн Хуаня кажется шедевром», — подумал он.

Чомань не только выводила нелепицы, но и постоянно отвлекалась: то засматривалась на Мэн Хуаня, то грызла кончик кисти, то накручивала локон на палец. Наконец она игриво взглянула на офицера:

— Хацзиэр, посмотри на меня.

Мэн Хуань с улыбкой поднял голову:

— И что я там не видел? Как ты волосы крутишь?

— Тебе разве не нравится? — надулась она. — У твоей любимицы ведь тоже кудри, ты же в ней души не чаешь.

Речь шла о Салань — метиске из племени найманов, чья изящная фигура и вьющиеся волосы сводили многих с ума.

Мэн Хуань рассмеялся:

— Она всего лишь дочь мелкого чиновника из ведомства обрядов, зачем ты себя с ней равняешь?

Отец Чомань был фигурой совсем иного масштаба — помощник главы Тайного совета, прославленный генерал. Сравнивать себя с наложницей было и впрямь ниже её достоинства.

— Молодая госпожа, — внезапно прервал их Сун Чжи, — вы испачкались. Тушь... на вашем лице.

Мэн Хуань взглянул на неё и расхохотался. Чомань, увлекшись своими мыслями, вертела кистью и случайно ткнула себе в щеку, оставив на белоснежной коже жирный черный след.

Девушка замерла, осознав нелепость ситуации, и тут же закрыла лицо руками.

— Не смотри! — взвизгнула она. — Не смей смотреть!

— Сайянь! — закричала она, зовя служанку. — Сюда, живо!

Этот фарс закончился поспешным бегством Чомань. Даже когда она скрылась из виду, Сун Чжи еще долго слышал эхо её криков, а в голове неприятно гудело. Мэн Хуань всё еще посмеивался, качая головой:

— Ну и девчонка...

Стоило ей уйти, как в памяти Сун Чжи с новой силой всплыло всё то, что предшествовало её появлению. Ноги подкосились, и он с глухим стуком осел на колени.

<http://bllate.org/book/17487/1695010>